

The background of the entire image is an abstract composition of vibrant green light trails. These trails are curved and flowing, creating a sense of motion and depth. They are set against a dark, almost black, background, which makes the green light stand out. There are also some small, bright green dots scattered throughout the composition, adding to the dynamic feel.

Светлана Дроздова

Таксопарк. Ночные смены

Светлана Дроздова

Таксопарк. Ночные смены

«Автор»

2026

Дроздова С. В.

Таксопарк. Ночные смены / С. В. Дроздова — «Автор», 2026

Марат Вергасов — бывший следователь прокуратуры, уволенный после скандального дела. Три года он водит ночное такси премиум-класса, прячась от прошлого в тишине и ритуалах смены. Но однажды в его машину садится пассажир, который исчезает без звука, оставив на сиденье полоску ткани с маркировкой «ГОСТ 77» и запах гари. За ним — женщина с советскими мандаринами. Потом — мальчик с костяной пуговицей. Каждый пассажир говорит о гостинице «Россия», о ночи 25 февраля 1977 года, об огне. Каждый — призрак, сгоревший в пожаре, который официальная версия списала на неисправный паяльник. Постепенно из осколков чужих воспоминаний, из предметов-улик и архивных противоречий Марат собирает картину: пожар был не аварией, а операцией КГБ по уничтожению компрометирующих материалов. Расследование без мундира, без полномочий, без защиты ведёт его от ночных маршрутов к живым свидетелям, родственникам погибших и, наконец, к тем, кто молчал полвека.

© Дроздова С. В., 2026

© Автор, 2026

Светлана Дроздова

Таксопарк. Ночные смены

Глава 1. Чёрный Mercedes последней модели

Стоянка «Премиум-Лайн» на Даниловской — бетонный бокс на восемь машин, яркий дневной свет ламп, контраст с темнотой снаружи. Пахнет резиной, бензином и чем-то сладковато-химическим от мойки.

Марат Вергасов пришёл на смену в двадцать-один тридцать. Ровно. Не в двадцать-один тридцать пять, не в двадцать-один двадцать пять. Ровно. Три года ночной работы выточили из него человека, для которого punctuality — не добродетель, а механизм. Как зубчатая передача: если ты на месте вовремя, всё крутится. Если опоздал — закусало.

Он переоделся в каморке — тёмная рубашка, чёрная жилетка без пиджака, туфли на тонкой подошве. Форма «Премиум-Лайн» не была формой в строгом смысле: частный извоз премиум-класса, клиенты платят за ощущение, что едут не в такси, а с личным водителем. Никаких пашечек, никаких логотипов на кузове. Чёрный Mercedes E-класса, прошлогодний, без единой наклейки. Если не знать — не отличишь от машины бизнесмена.

Марат вышел к машине. Обошёл по часовой стрелке — привычка, не ритуал: левое переднее крыло, капот, правое крыло, багажник, задний бампер. На левом крыле — старый след от чужого бампера, тусклая царапина в лаке. Не его. От прошлого водителя, который сдал машину полгода назад, уволился и уехал в Казань. Марат каждый раз видел царапину и каждый раз думал: надо закрасить. И каждый раз забывал.

Заводит. Звук ровный, без перебоев. Марат не механик — но три года за рулём научили различать здоровый и нездоровый звук машины, как врач различает дыхание. Дышит ровно.

Салон. Заднее сиденье — кожаное, тёмно-серое. Проверка: чисто. Под сиденьем — фантик от конфеты, «Коркунов». Марат достаёт, складывает, кладёт в карман. Не выбрасывает в салоне — тоже привычка. Бардачок: аптечка, влажные салфетки, запасной зарядник с тремя типами разъёмов — Type-C, Lightning, micro-USB. Клиенты бывают разные.

Термос — стальной, матовый, без надписей — стоит в подстаканнике между передними сиденьями. Кофе, крепкий, без сахара, без молока, сварен дома в шесть вечера. Единственная личная вещь в машине. Марат откручивает крышку, наливает в колпачок, глотает — обжигается, не дожидается остывания. Привычка.

Смартфон — в держателе на приборной панели. Приложение «Премиум-Лайн»: тёмный экран, минимальный интерфейс — карта и строка заказа. Никаких баннеров, рекламы, рейтингов, всплывающих окон. Приложение выглядит, как если бы его делали не для водителей, а для кого-то другого. Слишком простое. Слишком чистое. Марат отмечал это и раньше — в первый месяц работы, когда разбирался в сервисе. Тогда же полез в настройки, попытался найти версию, разработчика — ничего. Приложение стояло в телефоне, как заводское. Не из

App Store, не из Google Play. Установлено работодателем — или появилось само. Марат не помнил. Это было три года назад, и ему было всё равно.

Охранник на входе — Ринат, пожилой татарин с усами, как у кота, — кивнул.

— Спокойной ночи, — сказал он. Не «доброй». Всегда «спокойной».

— Спокойной, — ответил Марат.

В боксах ещё два водителя — Серёга и Азамат, оба моложе Марата, оба разговорчивее. Серёга, широкий, рыжеватый, в спортивной куртке поверх формы, — рассказывал Азамату про футбольный матч. Азамат слушал, смеялся, хлопал себя по колену. Марат прошёл мимо. Кивнул — коротко. Не присоединился. Не из высокомерия — из неумения. Он слышал, о чём говорят, — гол, офсайд, пенальти, — но не находил, куда вставить слово. Слушал — но не откликался.

Азамат окликнул:

— Марат, ты за «Спартак»?

— Я за сон, — сказал Марат, не оборачиваясь.

Серёга засмеялся. Азамат крикнул вдогонку:

— Ты, Вергасов, как монах. Только без монастыря.

Марат не ответил. Усмехнулся — краем рта, не оборачиваясь. Сел в машину. Закрыл дверь. Тишина.

Ночь не задаёт вопросов. День — задаёт. Днём люди смотрят на него — бывший следователь прокуратуры, уволенный после скандального дела, работающий таксистом. В их взгляде — смесь неловкости и любопытства, как на человека, который упал с лестницы при всех: не знаешь, куда смотреть и надо ли помочь. Ночью никто не спрашивает, кто ты был. Пассажиру нужен руль и тишина. Марат обеспечивает и то, и другое.

Он выехал со стоянки, повернул на Большую Тульскую, затем — на Садовое кольцо, на север.

Москва в конце октября — голая, тёмная, промёрзшая. Ещё не зима, но уже не осень. После дождя асфальт блестит, отражая фонари, светофоры, неоновые вывески. Деревья на Садовом — голые, мокрые, чёрные, как проволока. Редкие машины проносятся навстречу. Несколько пешеходов — куртки, капюшоны, спешат. Город ещё не заснул, но уже притих. Готовится. Марат ведёт в правом ряду — не торопится, не подрезает. Ровно.

Окно приоткрыто на два сантиметра — в любую погоду. «Воздух должен двигаться», — сказал он однажды, когда Азамат спросил, почему. Азамат пожал плечами: «Ты замёрзнешь зимой». «Нет», — сказал Марат. И не замерзал.

Проезжая мимо длинного бетонного здания на Садовом — то ли контора, то ли жилой дом, не разобрать в темноте — Марат на секунду ловит запах. Гарь. Мимолётный, как от проехавшего грузовика с неисправным выхлопом — едкий, сухой, с горьким оттенком, как от палёной резины или горелой бумаги. Но грузовика нет. Встречных — никого. Запах исчезает, как будто его и не было. Марат не фиксирует сознательно, но — отмечает, по привычке следователя: «Гарь. Откуда? Нет источника. Ветер с юга». И забывает.

На экране приложения — пустая карта. Зелёная полоса внизу: «Вы на смене». Город. Тишина. Гул мотора. Шины по мокрому асфальту. Редкий ветер в щель приоткрытого окна. Марат не слушает радио. Три года — и три года без радио. Сначала отвык, потом — не захотел возвращаться. Голоса из динамика казались навязчивыми, как гости, которые пришли без звонка. Тишина — лучше. Тишина — честнее. Она не врёт.

Рация на приборной панели — старая Motorola, не встроенная, отдельная. Марат купил сам на Авито за две тысячи, настроил на канал «Премиум-Лайн». Частота не та, что у обычных такси — другая, ниже, чище. Меньше помех. Меньше чужих голосов.

— Вергасов, ты на смене?

Голос Лены — тёплый, низкий, с хрипотцой, как будто она выкурила пачку перед сменой. Но не курит — Марат спрашивал однажды, между делом. «Не курю, — сказала Лена. — Просто голос такой. Родовой». Он не стал уточнять, что значит «родовой». Лена говорит вещи, которые звучат странно, но Марат привык. Она работает из дома — где-то в Бутово, но адреса не даёт. Он никогда её не видел — только голос. Три года голоса. За три года голос стал ближе, чем лица некоторых людей — тех, кого он видит каждый день и не слышит.

— На смене, — ответил Марат.

— Ночь будет длинная, — сказала Лена. И, после паузы: — Луна — последняя четверть. Всегда в такие ночи больше заказов.

— Ты веришь в лунные календари?

— Я верю в людей. Луна тут ни при чём.

Марат ждал, но Лена больше ничего не добавила. Иногда она говорила вещи, которые звучали как начало фразы, но концовка не шла. Как будто думала одно, а произносила другое. Или — произносила то, что нужно было произнести, а думала о чём-то своём, параллельном.

После разговора Марат на секунду увидел в зеркале заднего вида, что заднее сиденье будто темнее, чем должно быть. Как будто тень легла неровно, скособочившись — на левую половину сиденья больше, на правую меньше. Он оборачивается — пусто. Свет уличного фонаря через окно, ровная серая кожа. Ничего.

«Фонарь, — подумал он. — Проехал мимо фонаря. Тень скользнула». Объяснение устроило. Он повернулся обратно к дороге.

Марат стоит у Тверской, 2 — припарковавшись за углом на Газетном переулке. Ждёт заказа. Двадцать-two двадцать.

Тишина между движением и действием. Марат пьёт кофе из термоса — маленькими глотками, обжигаясь. Думает — не о чём конкретном. О погоде: к зиме нужно сменить резину. О бывшей жене — мельком, без боли, привычной тупой занозой, как старая мозоль, к которой привыкаешь так, что перестаёшь замечать, пока не надавишь. Жена, Ирина, ушла три года назад, когда его уволили. Не из-за увольнения — из-за того, что он замолчал. «Ты перестал говорить, Марат. С тобой нельзя жить». Он не ответил. Это был последний разговор — не в тот вечер, а вообще. Последние слова, которые она ему сказала. Последние, которые он не сказал в ответ. Молчание — его способ отвечать, когда ответа нет. Ирина не приняла. Правильно — не приняла. Он не обижается.

Приложение мигает.

Заказ: ул. Тверская, 2. Адрес подачи — прямо здесь, за углом. Марат смотрит на экран и чуть хмурится. Он не выбирал эту точку. Не вставлял адрес. Приложение само привязало его к месту — как будто знало, где он будет стоять.

Точка доставки — не указана. Вместо адреса — прочерк.

В строке «Пассажир» — пусто.

В строке «Комментарий» — одно слово: «Прогулка».

Марат берёт рацию.

— Лена, заказ без адреса назначения. Что делать?

Пауза. Длиннее, чем обычно. Марат слышит лёгкий треск в рации, как будто Лена дышит — или не дышит.

— Бывает. Клиент скажет в салоне. Езжай на точку подачи.

— Имени нет. Рейтинг не указан. Это не формат.

— Вергасов, ты не первый год. Бывают странные заказы. Просто поезжай.

Ещё одна пауза. И тише:

— Марат, если что-то покажется неправильным — не анализируй. Просто вежи.

Марат не придаёт значения. «Не анализирую» — это как сказать рыбе «не плавай». Он анализирует с детства — с тех пор, как отец подарил ему на десятый день рождения лупу и сказал: «Смотри, пока не увидишь то, чего нет». Марат смотрел. Всегда видел. Это и было проблемой — в прокуратуре и после.

Включает передачу, выезжает из переулочка, останавливается у Тверской, 2.

Старое сталинское здание, подъезд с колоннами, тусклый свет над дверью. Октябрьский ветер — холодный, с влагой, с запахом мокрого камня и бетона — треплет газету у входа. Газета прижалась к ступеням, раскрытая, страница с рекламой — духи, шубы, квартиры. Ветер перелистывает, как читатель, которому скучно. На ступенях — никого.

Марат ждёт. Двадцать-two тридцать пять. Гудит мотор на холостых. Фары освещают фасад — серый, строгий, с лепниной над входом. Окна — тёмные, редкие тлеют желтым. Кто-то не спит. Кто-то спит. Кто-то не может.

Дверца заднего сиденья открывается.

Без стука. Без приветствия. Пассажир садится — мягко, без рывка, до щелчка закрывает дверь. Садится так, будто садился в эту машину сотни раз. Знает, куда убрать ногу, как положить руку на подлокотник, как закрыть дверь — мягко, но до конца, без второго усилия. Человек, который привык к автомобилям этого класса.

Марат смотрит в зеркало.

Мужчина лет шестидесяти. Может, чуть больше — определить сложно. Лицо — квадратное, плотное, со складками у рта, с глубокими бороздами от носа к подбородку. Лицо человека, который привык держать себя в руках — и держит, но усилие видно: желваки, напряжённая шея, чуть прищуренные глаза. Волосы седые, зачёсаны назад, аккуратно — не лаком, а привычкой. Руки — крупные, спокойные, лежат на коленях. На мизинце левой — кольцо с тёмным камнем, не золотое, скорее серебряное, потемневшее от времени.

Костюм: тёмно-синий, хорошо скроенный — плечи сидят, рукав правильной длины, лацканы отутюжены. Но не новый. Не устаревший — а именно не новый: ткань слегка протёрта на локтях, шов у воротника чуть белее остального — бывал в химчистке. Рубашка — белая, но не свежая, как будто её надели утром и носили весь день. Галстук — тёмно-бордовый, узлом «виндзор». Марат узнаёт узел. Его отец завязывал так же — каждый день, каждое утро, перед зеркалом в прихожей, привычным движением, не глядя. Марат было десять, когда научился различать узлы. «Виндзор» — широкий, симметричный, как треугольник. Узел людей, которые любят порядок.

Запах. Не парфюм — Марат различает парфюм, у всех клиентов свой, от Creed до «Диора». Не табак. Сухой, тёплый запах, как от старого шкафа — не затхлый, а вылежавшийся. Как от книги, которую долго не открывали. Запах времени. Так пахнут бабушкины квартиры, чердаки, архивы.

— Добрый вечер, — говорит Марат, профессионально. — Куда едем?

Пассажир молчит. Смотрит в окно — на фасад, на колонны, на мокрую газету. Потом, не оборачиваясь:

— Просто по городу. Я скажу, когда остановиться.

Голос — негромкий, ровный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который долго не разговаривал. Не старческий — скорее, голос человека, который умеет молчать и отвык от звуков собственного голоса.

Марат включает счётчик. Пассажир не смотрит. Машина трогается.

Тверская вниз, мимо телеграфа, мимо Елисеевского — тёмного, с подсвеченными витринами, как аквариум. Поворот на Моховую — мимо университета, мимо Манежа. Кремлёвская стена — красная, мокрая, подсвеченная прожекторами. Боровицкая площадь — пустая, гулкая, как сцена без актёров. На набережную — вдоль Москвы-реки, вода чёрная, неподвижная, отражает огни как зеркало, к которому боишься подойти.

Марат едет медленно. Пассажир не торопит. Скорость не имеет значения — это понятно с первого квартала. Машина движется не для того, чтобы приехать, а для того, чтобы двигаться.

Пять минут тишины. Пассажир смотрит в окно — не на достопримечательности, а на обыденное: фонари, припаркованные машины, светящиеся окна. Смотрит как человек, который смотрит на то, что ему знакомо, но — издалека. Как будто между ним и городом — стекло.

Потом начинает. Не с обращения, не с вопроса. Как будто продолжает разговор, начатый давно — с кем-то другим, в другом месте, в другое время.

— Я всю жизнь работал с людьми. Тридцать два года. Администратором. Не в офисе — в гостинице. Знаете, что это значит?

Марат не отвечает. Слушает. Одна из его профессиональных способностей — молча слушать. Как следователь — и как водитель. Клиент говорит — ты водишь. Клиент молчит — ты водишь. Тишина — не пустота, а контейнер, в который человек кладёт то, что не может положить на стол.

— Это значит, что каждый день — чужие чемоданы, чужие ключи, чужие просьбы. И каждый вечер — чужие сны. Ты спишь, а они видят сны прямо через стену. Ты слышишь, как они дышат. Ты знаешь, кто не спит, кто тревожится, кто радуется. По звуку. По шагам в коридоре. По тому, как закрывается дверь — хлопком или щелчком.

Марат ведёт машину. Ровно. Мимо парка Горького — тёмного, огромного, с редкими фонарями вдоль набережной. Вода блестит. Где-то на другом берегу — огни новостроек, жёлтые, тусклые, как окна больницы.

— Самая большая гостиница в Европе, — говорит пассажир. — Тысяча номеров. Тысяча историй каждый день. Я помню всех — не имена, а лица. Лицо человека, который открывает

дверь номера, — это лицо его жизни на три дня. Потом он уходит, и лицо остаётся у тебя в голове. Навсегда — или до следующего гостя. А следующий — тоже навсегда. Ты складываешь их, как фотографии в альбом. Без подписей.

Марат слушает. И — машинально, из привычки следователя уточнять хронологию — спрашивает:

— В каком году вы работали?

Пассажир отвечает не сразу. Секунды три — как будто вспоминает. Или выбирает, что сказать.

— Давно. Ещё при советской власти. Вы, наверное, не помните.

— Я помню советскую власть. Я не настолько молод.

Пассажир усмехается. Усмешка — короткая, сухая, как треск ветки.

— Нет. Вы молоды. Вы просто не знаете, что молоды.

Марат не понимает — и не пытается понять. Он слышит странность, но странность — не аномалия. Странность — норма ночных пассажиров. Люди, которые садятся в такси после полуночи, — все немного страннее, чем днём. Ночь снимает фильтры.

Пауза. Машина проезжает мимо Белого дома — здания на Краснопресненской, светящегося редко, правительственными окнами. Пассажир смотрит — и отворачивается. Долго молчит.

Потом — тихо, как будто говорит себе:

— Была одна ночь. Февраль. Мороз, градусов двадцать. И огонь — как будто кто-то забыл, что на улице зима, и принёс июль внутрь.

Пауза. Пассажир смотрит в окно. Машина едет по набережной, мимо моста, мимо домов с тёмными окнами. Город — тихий, мокрый, холодный.

— Двадцать пятого, — добавляет пассажир.

Марат не реагирует. Дата проходит мимо — для него это просто дата. Двадцать пятое февраля. Ничего. Он не знает ещё, что она значит. Он не знает, что через две недели — годовщина. Что дата уже бежит к нему, как поезд, который он не видит, но слышит — гулом в рельсах.

Пассажир замолкает. Больше ничего не говорит до конца поездки.

По мере движения Марат замечает: в салоне стало теплее. Не от печки — печка работает на минимуме, Марат держит всегда на двойке. Тепло идёт сзади, от сиденья. Как будто у пассажира жар — ровное, сухое тепло, как от батареи или от человека с температурой.

Марат бросает взгляд в зеркало. Лицо пассажира спокойно, глаза полуприкрыты, щёки — слегка порозовели. Или это уличный свет? Отражение неоновых знаков, фонаря, витрины? Марат не уверен. Он видит — и не доверяет тому, что видит. Бывший следователь знает: свидетель — самый ненадёжный источник, даже если свидетель — ты сам.

Машина едет. Тишина. Тепло.

Набережная Тараса Шевченко. Пассажир говорит:

— Здесь.

Одно слово. Марат останавливается. У воды — чёрной, плоской, с редкими бликами. Ветер — холодный, с речным запахом, мокрый. На набережной — пусто. Фонари — тусклые, жёлтые, редкие. На другом берегу — тёмные корпуса, склады, краны. Промышленная зона, спящая.

Марат смотрит на счётчик.

Ноль.

Не «0 рублей». Не «0 км». Просто — ноль. Как будто счётчика нет. Как будто поездки не было. Экран приложения — тёмный, со строкой: «Поездка завершена. Оплата: —». Прочерк.

Марат оборачивается, чтобы спросить о плате.

Заднее сиденье — пусто.

Дверца — закрыта. Марат не слышал, как пассажир вышел. Не слышал щелчка двери, не слышал шагов, не слышал — ничего. Пять секунд назад — сидел. Дышал. Тепло шло от него. Сейчас — пусто. Серая кожа, ровный свет фонаря, ничего.

Марат выходит. Обходит машину. Открывает заднюю дверь — рукой, резко, как открывают, когда ждут, что внутри — что-то. Пусто. Сиденье — прохладное. Не тёплое — прохладное, как будто никто не сидел. Марат прикладывает ладонь к коже — холодная. Как в машине, которая простояла на морозе. Но машина не стояла — они ехали. И в салоне было тепло.

Он выключает салонный свет, чтобы посмотреть внимательнее. В тусклом свете фонаря — на сиденье, в складке между спинкой и подушкой, — узкая полоска ткани. Тёмно-синяя, с еле заметным рисунком — тонкая клетка, как на подкладке пиджака. Край — неровный, как будто оторвался. Не отрезан — оторван, но аккуратно, без бахромы.

Марат берёт её. Растирает между пальцами. Ткань сухая — но пахнет. Гарью. Той самой — с Садового кольца. Едкой, сухой, горькой, с привкусом палёной резины. Марат подносит к

носу — и отдёргивает. Запах сильный, как будто ткань лежала в дыму. Не просто пропахла — а была в дыму, в гуще, в чёрном облаке.

Марат стоит у машины, на набережной, в октябрьской ночи, с полоской ткани в пальцах. Ветер с реки — холодный, мокрый. Город — тихий. Где-то далеко — гудок тепловоза, как зверь, подавший голос издалека. Марат стоит и чувствует — впервые за три года ночной работы — что что-то не так.

Не «странно». Не «непонятно». Не так. Как следователь — на месте, где факт не укладывается в показания. Показания: пассажир сел, ехал, вышел. Факт: пассажир исчез бесшумно, оплата нулевая, сиденье холодное, ткань пахнет гарью. Факт не укладывается. Марат стоит, и в голове — привычный, неотвратимый механизм: сравнение, сопоставление, поиск версии. Механизм, который он пытался заглушить три года — ночами, кофе, тишины. Механизм, который не заглушается, потому что он — это Марат.

Он садится в машину. Кладёт полоску ткани в бардачок — к аптечке, салфеткам, заряднику. Закрывает. Думает — и не думает. Решает не думать. Включает приложение.

Новый заказ — обычный. «Кутузовский, 14, рейс в Шереметьево». Марат едет. Пассажир — мужчина лет тридцати, с чемоданом, в куртке, с ноутбуком. Разговаривает по телефону всю дорогу — что-то про контракты, поставки, сроки. Голос — громкий, раздражённый, живой. Марат везёт — и работает до утра, как обычно.

Запах. В салоне — тонкий, едва уловимый — гарь. Не выхлоп, не кофе, не пластик. Гарь, как от старого костра, который потушили несколько часов назад. Марат открывает окна — проветривает. Запах слабеет — но не уходит. Не уходит до конца смены.

На заправке, в четыре утра — Марат достаёт полоску из бардачка. Разглядывает при свете фонаря на колонке. Ткань — не новая, но и не старая. Без следов носки, без потёртостей, без катышков — как будто её вынули из упаковки. Но пахнет — временем и гарью одновременно. Марат переворачивает. На обратной стороне — крошечная, полустёртая метка, напечатанная типографским способом: «ГОСТ 77». Ткань, произведённая по советскому стандарту. 1977 год.

Марат не знает, что значит 1977. Пока — не знает. Он знает только, что ткань из бардачка — не из этого времени. И что запах гари в салоне — не от его машины. И что пассажир, который исчез без звука, — не обычный клиент.

Он кладёт полоску обратно. Закрывает бардачок. Смотрит на часы: 04:50. До конца смены — десять минут. Решает: не думать об этом до утра. Утром — свежим взглядом.

Марат едет к стоянке. Садовое кольцо — пустое, мокрое, предрассветное. Небо — серое, низкое, с проблеском — не солнца ещё, а обещания солнца. Город — полупрозрачный, как негатив: тёмное, что было светлым, светлеет, что было тёмным — темнеет. Фонари гаснут — не все, но некоторые. Ночь уходит.

В зеркале заднего вида — на секунду, краем глаза, между морганием — Марату кажется, что на заднем сиденье кто-то сидит. Силуэт — тёмный, плотный, с прямой спиной. Не движение — статика. Человек, который сидит и ждёт.

Марат оборачивается.

Пусто. Только свет раннего фонаря ложится на кожу неровно, как будто тень легла и не успела убраться. Марат смотрит — секунду, две. Пусто. Никого. Ткань, запах, тепло — всё в голове. Недосып. Кофе. Ночь.

Он паркует машину. Гасит фары. Выходит. Закрывает дверь — мягко, до щелчка. Идёт домой. Не оглядывается.

Квартира на Автозаводской — съёмная, однокомнатная, с низким потолком и окном на трамвайные пути. Марат заходит, снимает обувь у двери, проходит в ванную. Умывается — холодной водой, долго, как будто смывает не ночь, а что-то другое. Лицо — в зеркале: осунувшееся, тёмные круги, седая щетина (он бреется утром, перед сном), морщина на переносице — глубокая, как линия, проведённая ногтем.

И — на правой щеке — лёгкий розовый след. Полукруглый, с неровным краем. Как от жара. Как будто кто-то прижал тёплую ладонь — не сильно, не больно, но достаточно, чтобы кожа отозвалась розовым.

Марат трёт лицо водой. Открывает холодный кран — подставляет лицо. Секунды три. Закрывает. Смотрит.

След исчез. Кожа — ровная, чистая, бледная, как всегда.

Марат смотрит в зеркало — ещё секунду. Потом — выключает свет.

В темноте — тишина. Город за окном просыпается: трамвай, гудок, голос. День — задаёт вопросы. Марат не отвечает. Он ложится, закрывает глаза и — не спит. Не спит долго. И в темноте, за закрытыми веками, — запах. Гарь. Сухая, горькая, тёплая. Как от костра, который потушили пятьдесят лет назад — и который всё ещё тлеет.

Где-то на краю сна — голос. Тихий, ровный, с хрипотцой, как у человека, который долго не разговаривал:

«Двадцать пятого».

Марат засыпает. И снится ему огонь.

Глава 2. Не те деньги

Марат проснулся в три часа дня. Не по будильнику — будильника не было, он снял его год назад, когда понял, что тело само знает, когда вставать. Тело знало: после ночной смены — семь часов сна, не больше и не меньше. Семь часов — ровно столько, чтобы не сойти с ума от недосыпа и не разлиться от избытка. Марат открыл глаза — и первая мысль была не о пассажире. Первая мысль была о кофе: остался ли в термосе. Остался — треть, холодный, горький, с плёнкой на поверхности. Марат выпил стоя, на кухне, не разогревая. Холодный кофе — единственное, что он пил горячим и холодным одинаково ровно, без предпочтения. Температура — не суть. Суть — горечь.

Потом — вторая мысль. О пассажире.

Марат поставил кружку. Стоял, смотрел на стену — обои, жёлтые, с узором, который был когда-то цветочным, а стал просто грязным. Квартира на Автозаводской — съёмная, однокомнатная, с низким потолком и окном на трамвайные пути. Хозяин — пожилой армянин по имени Ашот, который снимал её Марату за полцены, «потому что ты тихий, Вергасов, и не портишь мебель». Мебели было — диван, стол, стул, шкаф. Всё — одинаково старое, одинаковое коричневое, как будто выросло из одного дерева и состарилось вместе.

Марат подошёл к бардачку. Нет — не к бардачку. Бардачок в машине. Здесь, дома, был ящик стола. Марат вынул полоску ткани из кармана жилетки — он переложил её утром, перед тем как лечь, машинально, как перекладывают ключи. Ткань лежала в кармане всю ночь, мягкая, сухая, лёгкая — почти невесомая. Марат положил её на стол, разровнял ладонью.

Тёмно-синяя. Тонкая клетка. Край неровный — оторван, не отрезан. Метка на обороте: «ГОСТ 77». Марат достал лупу — не ту, детскую, отцовскую, а обычную, из хозяйственного магазина, купленную три года назад, когда разбирал документы после увольнения. Лупа лежала в ящике, рядом с паспортом и трудовой книжкой. Марат не выбросил её — не выбрасывал ничего, что могло пригодиться для «смотри, пока не увидишь то, чего нет». Хотя за три года ничего не смотрел.

Под лупой метка читалась яснее: «ГОСТ 77-2580-71». Ткань — подкладочная, шерстяная, с примесью вискозы. Марат знал это не как текстильщик — а как следователь, который однажды разбирал дело о хищении с фабрики и три месяца жил в мире тканей, ниток и ГОСТов. Подкладочная ткань. Из пиджака. Синего, хорошо скроенного, с галстуком «виндзор».

Запах. Марат поднёс ткань к лицу — и запах ударил, как из открытой печи. Гарь. Сухая, горькая, густая — не мимолётная, как в салоне, а концентрированная, как будто полоска ткани была фильтром, через который пропустили дым. Марат чихнул — резко, некрасиво, как от перца. Отодвинул ткань. Понюхал ещё раз — уже осторожно, краем ноздри. Под гарью — второй слой: старая ткань, нафталин, пыль, время. И под временем — что-то третье. Не запах — ощущение. Тепло. Ткань была тёплой. Не от солнца, не от кармана — изнутри. Как будто хранила тепло того, кто её носил.

Марат положил ткань на стол. Сел. Смотрел.

Как следователь — а он был следователь, каким бы ни стал потом — Марат знал: есть факты и есть интерпретации. Факт: пассажир сел в машину. Факт: пассажир говорил. Факт: пассажир исчез. Факт: осталась ткань. Факт: ткань произведена по ГОСТу 1971 года, марки-

ровка 77 — вероятнее всего, год выпуска. Факт: ткань пахнет гарью. Интерпретация: ??? Марат не находил интерпретации, которая укладывалась бы в реальность. Человек не исчезает из закрытой машины без звука. Ткань из 1977 года не оказывается в бардачке таксиста в 2026-м. Запах гари не держится в салоне часами без источника.

Марат откинулся на стуле. Потёр лицо — правую щёку, там, где был розовый след. Следа нет. Кожа чистая. Но — память о тепле. Лёгкое, как прикосновение, как будто кто-то провёл пальцем по щеке и ушёл. Марат помнил — и не хотел помнить.

Он встал. Убрал ткань в ящик стола — под лупу, под трудовую. Закрыл. Пошёл в ванную — бриться. Зеркало — то самое, утреннее. Марат смотрел: лицо, щетина, морщина на переносице. Ничего. Никаких следов. Он намылил щёки, провёл бритвой — «Жиллет», старой, с одним лезвием, не «Мах 3», не «Фьюжн». Простая бритва — как простой кофе, как простая жизнь. Лезвие скользит — и Марат на секунду видит в зеркале, за собственным отражением, — не лицо. Контур. Силуэт — плечи, голова, прямая спина. Человек, стоящий за спиной. Марат оборачивается — пусто. Ванная — два метра на полтора, ванна, раковина, стиральная машина. Негде спрятаться. Марат смотрит в зеркало — отражение одно. Его. Только его. Бреется дальше.

К вечеру — шесть тридцать — Марат сидел на диване, в тренировочных штанах и майке, с ноутбуком на коленях. Ноутбук — старый, «Леново», с треснутой крышкой и кулером, который гудел, как муха в банке. Марат не покупал новый — не из экономии, а из привычки. Вещь работает — зачем менять. Так же с машиной, так же с бритвой, так же с жизнью.

Он открыл браузер. Набрал: «гостиница Россия пожар». Первая ссылка — Википедия. Марат прочитал — быстро, по-диагонали, как читают привычные к документам люди, выхватывая структуру: даты, цифры, имена.

Гостиница «Россия». Построена в 1967 году. Снесена в 2006–2010. Пожар — 25 февраля 1977 года. Погибших — 42 (по официальным данным). Причина — не установлена. Версии: короткое замыкание, паяльник в радиоузле, неосторожное обращение с огнём. По делу осуждены два работника радиоузла — сроки от года до полутора. Материалы переданы в КГБ. Журнал постояльцев — утерян.

Марат остановился. Перечитал: «журнал постояльцев — утерян». Не «утерян». В Википедии — «утрачен». Марат знал разницу: «утерян» — случайно, «утрачен» — намеренно. Журнал не потеряли. Его убрали.

Он продолжил. Статья упоминала: «ипподромная мафия», «тотализатор», «криминальные разборки». Версия поджога — криминальная. Не подтверждена. Другая версия — техническая: паяльник, оставленный включённым. Осуждены двое. Третья — «заказной поджог с целью уничтожения следов тайной встречи». Без подробностей. Сноска на статью из «Московского комсомольца» 2005 года, недоступная — ссылка мёртвая.

Марат закрыл ноутбук. Не потому что прочитал — потому что понял. Пассажир говорил: «администратор гостиницы». «Тридцать два года». «Самая большая гостиница в Европе». «Тысяча номеров». «Двадцать пятого». «Огонь».

Марат посмотрел на часы: 18:45. До смены — три с половиной часа. Он встал, прошёлся по квартире — три шага к окну, три обратно. Трамвай за окном — звякнул, проехал. Марат смотрел: трамвай, рельсы, провода, серое небо. Обычная жизнь. Обычный день. И — поверх, как прозрачная калька — другая реальность: запах гари, ткань из 1977 года, пассажир без лица, который исчез без звука.

Марат остановился. Подошёл к столу. Выдвинул ящик. Достал ткань. Положил рядом с лупой. Сел. Посмотрел на то и другое — и принял решение.

Не думать. Списать. «Странный пассажир, вышел, забыл фрагмент одежды. Ткань — старая, возможно из гардероба, ретро-стиль, мода на винтаж. Запах — от ткани, от старого шкафа. Гарь — совпадение, запах из уличного воздуха, осень, горят листья». Версия — слабая, но рабочая. Марат был специалист по рабочим версиям — тем, что не объясняют всё, но объясняют достаточно, чтобы спать.

Он убрал ткань в ящик. Закрыл. Пошёл готовиться к смене: душ, рубашка, жилетка, термос. Кофе — крепкий, без сахара, без молока. Термос — стальной, матовый. Якорь.

Стоянка. Двадцать-оде тридцать. Ринат — «спокойной ночи». Серёга и Азамат — не на месте, смены разные. Марат один в боксе. Обходит машину. Левое крыло — царапина. Та же. Заводит — ровно. Салон — чисто. Проверка под сиденьями — пусто. Термос — в подстаканнике. Приложение — тёмный экран, зелёная полоса. Всё, как вчера. Всё, как всегда.

Кроме одного: Марат открывает бардачок. Аптечка, салфетки, зарядник. И — запах. Тонкий, как нить. Гарь. Вчера не было — сегодня есть. Или вчера был, но Марат не заметил — потому что не искал. Сегодня — ищет. Сегодня знает, что искать. Марат закрывает бардачок. Запах остаётся — тонкий, призрачный, как тень запаха. Неуловимый, но — есть.

Марат выезжает. Садовое — на север. Мокрый асфальт, голые деревья, фонари. Вчера — дождь. Сегодня — сухо, но холодно, минус два, лёгкий мороз, пар изо рта. Окно — приоткрыто на два сантиметра. Воздух движется.

Рация.

— Вергасов, ты на смене?

Лена. Тот же голос — тёплый, низкий, хриплый. Как будто не спала. Или — не просыпалась.

— На смене.

— Как ночь?

— Началась.

Пауза. Длиннее обычного. Марат ждёт. Лена говорит:

— Марат, ты вчера жаловался на странный заказ?

Марат не жаловался. Он сообщил — сухо, по-диспетчерски. Но Лена назвала это «жаловался». Интересно. Как будто — не по форме, а по сути.

— Сообщил. Заказ без адреса, без имени, без оплаты.

— Я проверила. В системе его нет. Ни заявки, ни точки подачи, ни маршрута. Как будто его не было.

Марат молчит. Едет. Садовое — мимо Курского вокзала, мимо парка, мимо тёмных окон.

— То есть — технический сбой?

— Вергасов, — говорит Лена, и в голосе — не irritation, а усталость, — ты ведь следователь. Бывший, но следователь. Скажи мне: если факт не фиксируется системой, но фиксируется свидетелем — это сбой или факт?

Марат не отвечает. Потому что ответ — очевиден, и очевидность его неприятна. Факт. Не сбой. Факт, который система не фиксирует, потому что система для фактов другого порядка. Для живых фактов. Для тех, что можно оплатить, оценить, прокомментировать. Вчерашний пассажир — не из тех.

— Лена, — говорит Марат, — а если — не сбой. Что тогда?

Долгая пауза. В рации — треск, шорох, как ветер в проводах. Потом — тихо, почти шёпотом:

— Тогда — веди. Просто веди. И запоминай.

Марат хочет спросить — что запоминать, зачем, для кого. Но Лена отключается. Рация — молчит. Марат едет.

Приложение мигает. Двадцать-two сорок. Заказ: ул. Разина, 12. Марат смотрит на экран и хмурится. Улица Разина — старое название. С 1990 года — Варварка. Приложение указывает современный адрес — но в строке «Комментарий» — опять одно слово. Не «Прогулка». Другое: «Домой».

Марат проверяет: пассажир — не указан. Рейтинг — пусто. Оплата — прочерк. Та же форма. Тот же пустой шаблон. Марат берёт рацию:

— Лена, ещё один. Без имени, без оплаты. Комментарий — «Домой».

Молчание. Марат повторяет. Молчание. Потом — голос Лены, далёкий, как из глубины:

— Я слышу. Езжай, Марат. Езжай.

Марат включает передачу. Выезжает на Садовое, поворачивает на Китай-город. Варварка — узкая, старая, с храмами по левую руку и стеной Китай-города по правую. Ночью — пустая, тёмная, с редкими фонарями, бросающими жёлтые круги на мостовую. Улица, которая помнит Москву до переименований — до того, как переименования стали способом забвения.

Марат останавливается у номера двенадцать. Старое здание — кирпич, арка, тёмные окна. Фонарь над аркой — тусклый, мигает. Марат ждёт.

Дверца открывается — сзади, справа. Марат не видел, кто подошёл: в зеркало — пусто, на улице — никого. Дверца открывается сама — мягко, без рывка. Как будто её открыли изнутри.

Женщина садится. Марат слышит: шорох ткани, лёгкий звук — что-то твёрдое стукнуло о борт сиденья. Сумка? Портфель?

Он смотрит в зеркало.

Женщина — лет тридцати пяти. Может, тридцати — определить сложно. Волосы — тёмные, густые, убраны назад, открывая высокий лоб. Лицо — тонкое, с резкими скулами, с тонким ртом, уголки которого приподняты — не улыбка, а выражение, привычное к улыбке. Глаза — большие, тёмные, с каким-то странным блеском — не живым, а отражённым, как от огня, которого нет в салоне. Одет: платье — тёмное, простое, с белым воротничком. Пальто — серое, на пуговицах, неброское, но — сшито хорошо, как умели в советском ателье: не модно, но на совесть. На ногах — туфли, чёрные, с невысоким каблуком. Не новые — но ухоженные, надраенные.

На коленях — сумка. Кожаная, потёртая. Из сумки торчат — мандарины. Три, может четыре, жёлто-оранжевые, с зелёными листиками. Марат смотрит — и не понимает: мандарины в октябре? В 2026 году мандарины — круглый год, в любом супермаркете. Но мандарины в сумке — другие. Мелкие, с тонкой кожурой, с зелёными листьями — те, что продавались в советских магазинах, в сезон, в декабре, по два рубля за кило. Те, что пахли не цитрусом, а праздником.

Запах. Марат вдыхает — и под запахом мандаринов, свежим, сладковатым, — второй. Тот же, что вчера: сухой, тёплый, как от старого шкафа. Запах времени. И — под ним, тоньше, слабее — гарь. Не от мандаринов. От женщины. От её пальто, от её волос, от её кожи — как будто она неслась с собой, в складках одежды, в порах — едкий, горький дым.

— Добрый вечер, — говорит Марат. — Куда едем?

Женщина смотрит в зеркало — прямо на него. Глаза в глаза. Марат чувствует — холодок, не от окна, не от мороза, а изнутри, как будто кто-то провёл пальцем по позвоночнику. Взгляд — не вопрос, не просьба, не вызов. Встреча. Как будто она ждала его — и дождалась.

— На улицу Разина, — говорит она. — Домой.

Голос — негромкий, с хрипотцой, как у певицы, которая поёт на износ. Тёплый. Не молодой и не старый — голос, который не определяется возрастом, как голос по телефону, когда не знаешь, с кем говоришь.

— Это здесь, — говорит Марат. — Мы на Варварке. Бывшая улица Разина.

— Бывшая, — повторяет женщина. — Многое — бывшее.

Пауза. Потом:

— Просто покатай меня. Мне нужно — проехаться. Я скажу, где остановиться.

Марат включает счётчик. Машина трогается.

Они едут — по Варварке вниз, к Васильевскому спуску, мимо храма Варвары, мимо Старого Гостиного двора. Женщина смотрит в окно — и Марат замечает: она смотрит на здания так, как смотрят на людей, которых давно не видел. Не разглядывает — узнаёт. Как будто каждый дом — лицо, которое она помнит, но которое изменилось, постарело, обросло новыми деталями, потеряло старые.

— Красивая улица, — говорит она. — Узкая. Как коридор в гостинице. Знаешь, в гостинице коридоры — как улицы. Только крытые. И двери — как дома. Ты стучишь — и тебе открывают. Или не открывают.

Марат молчит. Слушает.

— Я работала в гостинице. Горничной. Убирала номера. Двенадцать номеров в день — норма. Двенадцать чужих жизней, по двадцать минут на каждую. Постель, полотенца, мыло, пепельница. Иногда — цветы. Иногда — записки, забытые на тумбочке. Я читала — не из любопытства. Из одиночества. В записках — больше жизни, чем в разговорах. «Милая, я буду в среду». «Не звони мне сюда». «Я забыл таблетки, купи». Двенадцать записок в день — двенадцать маленьких историй, без начала и конца. Ты в середине — и уходишь, не зная, чем закончилось.

Она замолкает. Марат ведёт — по набережной, по Кремлёвской, мимо моста. Женщина достаёт из сумки мандарин — медленно, двумя пальцами, как достают драгоценность. Кладёт на ладонь. Кожица — тонкая, бугристая, оранжевая с зелёным. Она не чистит — держит, нюхает. Закрывает глаза.

— Мой человек любил мандарины, — говорит она. — Покупал мне. Каждую зиму. В декабре — всегда мандарины. Говорил: «Пахнут лучше, чем звучат». Смешной. Нежный.

— Что с ним стало? — спрашивает Марат. И тут же — спохватывается: не его дело. Водитель не задаёт вопросов. Водитель слушает.

Но женщина не обрывает. Отвечает — тихо, как будто издалека, как будто голос идёт не из горла, а из глубины, из того места, где хранят не слова, а тяжесть.

— Сгорел. Мы оба — сгорели.

Марат не реагирует. Ведёт. Руки — на руле, ровно. Сердце — нет. Сердце — один удар, тяжёлый, как стук в дверь, которую не открывают.

«Сгорели». Не «умер». Не «погиб». «Сгорели». Марат вспоминает — статью из Википедии, цифры, даты, 25 февраля. Женщина говорит о пожаре. Гостиница. Горничная. Сгорели.

— В каком году? — спрашивает Марат, и голос — ровный, следовательский, без дрожи, без любопытства. Профессиональный.

Женщина открывает глаза. Смотрит в зеркало — и Марат видит: блеск в глазах — не отражение. Не фонарь, не неон. Свет — изнутри. Тёплый, оранжевый, как от свечи. Женщина улыбается — краем рта, грустно, без надежды.

— Ты уже знаешь, — говорит она. — Ты спрашиваешь, но уже знаешь.

Марат молчит. Потому что — да. Знает. Или — чувствует. Не факт, не цифру, не дату — а то, что за фактом. Тепло, которое идёт от заднего сиденья — то же, что вчера. Запах гари — сильнее, чем от пассажира-мужчины. Ткань, старая, из 1977 года, в ящике стола дома. И — мандарин, который женщина держит на ладони, маленький, советский, с листиком, которого не бывает в октябре, который бывает в декабре, в сезоне, в магазине за два рубля за кило.

Машина едет. Кремлёвская набережная, мимо парка Зарядье — тёмного, огромного, с мостами и холмами, сравнительно новыми, построенными на месте, где стояло что-то другое. Марат смотрит на парк — и чувствует странное: место притягивает. Не красотой — тяжестью. Как будто под землёй, под травой, под новыми дорожками — что-то осталось. Не стены — а след. Тепло, вросшее в землю.

Женщина говорит:

— Останови здесь.

Марат останавливается. Парк Зарядье — вход, фонари, тёмные дорожки. Ночь, мороз, пар изо рта. На скамейках — никого. Город — спящий.

Марат смотрит на счётчик.

Ноль.

Тот же ноль. Тот же пустой экран, та же строка: «Поездка завершена. Оплата: —». Прочерк. Как будто поездки не было. Как будто — ничего не было.

Марат оборачивается.

Женщина сидит. Не ушла. Смотрит на него — в лицо, не через зеркало, а прямо. Глаза — тёмные, глубокие, с оранжевым блеском, который Марат теперь видит ясно. Не отражение. Свет. Тёплый, ровный, как от лампы, которую держат в руке. Но лампы — нет.

— Ты ведь не просто водитель, — говорит она. Не вопрос — утверждение.

— Я водитель, — говорит Марат.

— Нет. Ты — тот, кто слушает. Тебя выбрали — не машину. Тебя.

— Кто выбрал?

Она не отвечает. Улыбается — той же грустной улыбкой. Берёт мандарин — тот, что держала на ладони — и кладёт его на среднюю консоль, между ними. Между передними сиденьями. Рядом с термосом.

— На память, — говорит она. — Ты поймёшь — потом.

И выходит. Марат слышит — впервые — звук: щелчок дверцы. Мягкий, чёткий. Как у человека, который умеет закрывать двери. Дверца закрывается. Марат оборачивается.

Пусто. Сиденье — серое, ровное, прохладное. Но — на сиденье, там, где она сидела, — впечатление, вмятина, едва заметная, как будто кто-то нажал на кожу и отпустил. Марат прикладывает ладонь. Прохладно. Но — не холодно. Чуть-чуть теплее, чем должно быть. Еле заметно. Как остаток тепла от ладони, которая убрана секунду назад.

Марат сидит в машине. Мандарин — на консоли, рядом с термосом. Маленький, оранжевый, с зелёным листиком. Марат берёт его. Подносит к носу. Запах — свежий, сладкий, цитрусовый. Настоящий. Живой. Под ним — гарь, тонкая, как нить. И под гарью — что-то третье. Не запах. Тишина. Тишина, которая пахнет.

Марат кладёт мандарин в бардачок. Рядом с аптечкой, салфетками, зарядником. Закрывает. Думает: «Не надо». Думает: «Выбросить». Думает: «Завтра». И — не выбрасывает. Оставляет. Как оставил ткань. Как оставил всё в своей жизни — не выбрасывал, а складывал. Трудовая в ящике. Лупа в ящике. Брак в прошлом. Жизнь — в бардачке.

Он включает приложение. Новый заказ — обычный: «Большая Дмитровка, 7, доставка в аэропорт Внуково». Марат едет. Пассажир — женщина с чемоданом, в пальто, с телефоном. Разговаривает с кем-то, смеётся, живёт. Марат везёт. Работает до утра. Гарь в салоне — остаётся. Не уходит. Мандарин — в бардачке. Марат не открывает бардачок до конца смены.

Утро. Стоянка. Марат паркует, гасит фары, выходит. Ринат — «спокойной ночи» (хотя утро — «спокойной», всегда «спокойной»). Марат идёт домой. Не оглядывается.

Дома — открывает ящик стола. Ткань — на месте. Лупа — на месте. Марат достаёт мандарин из кармана жилетки. Кладёт рядом с тканью. Смотрит: тёмно-синяя полоска из 1977 года и маленький оранжевый мандарин с зелёным листиком. Два предмета. Два доказательства. Два факта, которые не фиксируются системой, но фиксируются свидетелем.

Марат садится. Берёт блокнот — обычный, в линейку, из «Перекрёстка». Ручку — чёрную, «Паркер», подарочную, от бывшей жены. Ирина подарила на день рождения — пять лет назад, когда ещё была. Ручка — единственное, что осталось от неё. Марат не пишет писем, не ведёт дневник. Но — следователь. Следователи пишут.

Он открывает блокнот. На первой странице — пишет:

«Пассажир 1. Мужчина, ~60. Виктор Степанович. Администратор гостиницы. Костюм тёмно-синий, подкладочная ткань (ГОСТ 77). Галстук "виндзор". Кольцо с тёмным камнем. Запах — старая ткань, гарь. Упомянул: 25 февраля, огонь, гостиница, 1000 номеров. Исчез — бесшумно. Оплата: 0. Осталась: ткань».

Переворачивает страницу:

«Пассажир 2. Женщина, ~35. Имя — не назвала. Горничная гостиницы. Платье тёмное, бел. воротник. Пальто серое. Мандарины — сов. образец, с листиком. Запах — мандарины, гарь. Сказала: "сгорели" (о себе и "человеке"). Исчезла — после щелчка двери. Оплата: 0. Остался: мандарин. Упомянула: "тебя выбрали — не машину, тебя"».

Марат закрывает блокнот. Кладёт ручку. Смотрит на мандарин и ткань — лежат рядом, на столе, как улики на столе следователя. Две улики. Один день. Две истории. Одна — про администратора, который помнил лица. Другая — про горничную, которая читала записки. Оба — из гостиницы. Оба — сгорели.

Марат встаёт. Идёт в ванную. Умывается — холодной водой. Смотрит в зеркало. Лицо — осунувшееся, тёмные круги. На правой щеке — розовый след. Тот же. Полукруглый, с неровным краем, как от жара. Как будто кто-то прижал тёплую ладонь.

Марат трёт водой. След исчезает. Марат смотрит — секунду, две, три. Потом — выключает свет.

В темноте — запах. Мандарины и гарь. Свежий, сладкий, горький. Как декабрь и февраль одновременно. Как праздник и пожар.

Марат ложится. Закрывает глаза. И слышит — на краю сна, как эхо, как голос из-за стены:

«Тебя выбрали — не машину. Тебя».

Засыпает. И снится ему коридор — длинный, крытый, с дверями по обе стороны. Двери — закрытые. За ними — тишина. И тепло. Тепло, которое растёт.

Глава 3. Архив без номеров

Утро выдалось серым и липким — как будто город не проснулся, а просто приоткрыл один глаз и тут же зажмурился. Марат стоял у окна в своей съёмной квартире, смотрел, как трамвай ползёт по рельсам, и думал не о смене, не о кофе, а о мандарине. Он лежал на столе рядом с полоской ткани — маленький, оранжевый, с зелёным листиком, который уже начал подсыхать и скручиваться. Марат не ел его и не выбрасывал. Не потому что верил в приметы — он не верил ни в приметы, ни в судьбу, ни даже в совпадения. Он верил в улики. А мандарин был уликой. Как и ткань. Как и розовый след на щеке, который появлялся и исчезал, будто его рисовали невидимой кистью.

Марат взял блокнот. Открыл на странице с записями о пассажирах. Прочитал вслух, тихо, чтобы не слышать собственного голоса:

— «Пассажир 1. Администратор. Гостиница. 25 февраля. Сгорел. Пассажир 2. Горничная. Сгорела. Оба — из одной истории».

Он перевернул страницу. На чистом листе вывел крупно: «Гостиница „Россия“. Пожар. 25.02.1977». Ниже — столбиком: «Администратор. Горничная. Тысяча номеров. Журнал постояльцев — утрачен». И в самом низу, почти шёпотом: «Почему я?»

Ответа не было. Но был вопрос, который Марат не хотел задавать вслух: а если это не галлюцинации, не переутомление и не игра уставшего мозга — если это правда, то кто их посылает? И зачем?

Он закрыл блокнот, положил ручку. Посмотрел на мандарин. Взял его, поднёс к носу. Запах был всё тот же: свежий цитрус и под ним — тонкая, упрямая горечь, как от дыма, который въелся в ткань, в волосы, в память. Марат положил мандарин обратно. Не в карман, не в бардачок — на стол. Пусть лежит. Пусть будет.

На стоянке было тихо. Ринат кивнул — «спокойной ночи», хотя на часах было уже почти восемь вечера. Серёга и Азамат стояли у бокса, курили, смеялись над чем-то. Когда Марат подошёл, Серёга сразу спросил:

— Ты чего такой мрачный? Будто не такси водить идёшь, а на допрос.

Марат только пожал плечами. Не хотел объяснять. Да и нечего было объяснять. Он обошёл машину — левое крыло, царапина, капот, правое крыло, багажник, задний бампер. Всё на месте. Завёл. Мотор ровно выдохнул, как старый знакомый, который знает, что сегодня будет длинная ночь.

В бардачке — аптечка, салфетки, зарядник. И мандарин. Марат не удивился, что он там. Он почти ждал. Будто мандарин сам нашёл дорогу. Марат закрыл бардачок. Сел. Прикрутил рацию.

— Вергасов, ты на смене? — голос Лены, тёплый, низкий, как всегда.

— На смене.

Пауза. В ней — что-то новое. Не тишина, а ожидание.

— Марат, — сказала Лена, и голос её стал тише, будто она боялась, что её услышат, — я посмотрела логи. За вчерашний вечер у нас не было ни одного заказа без адреса. Ни одного. Ни с комментарием «Прогулка», ни с «Домой». Система не фиксирует такие поездки.

Марат молчал. Он ждал этого. Ждал, что реальность начнёт спорить с тем, что он видел.

— То есть ты хочешь сказать, что их не было? — спросил он.

— Я хочу сказать, что система их не видит. А ты — видишь. И это... тревожно.

— Тревожно — это когда клиент пьяный и лезет драться, — сказал Марат. — А это... это другое.

Лена вздохнула. Марат услышал этот вздох, как будто она сидела рядом, а не где-то в Бутово, в тёмной комнате, перед старым микрофоном.

— Просто будь осторожен, — сказала она. — Если снова будет такой заказ — не езжай в глухие места. И не оставайся один на один.

— Я всегда один, — ответил Марат. — Я так работаю.

Ещё одна пауза. Потом — тихо:

— Тогда просто помни: ты не один. Даже если кажется, что один.

Марат не ответил. Он не умел отвечать на такие слова. Он умел отвечать на факты.

Первый заказ был обычный: «Тверская, 4. Доставка в Шереметьево». Пассажир — мужчина в костюме, с ноутбуком, всё время что-то печатал, не поднимая глаз. Марат вёз, смотрел в зеркало, думал о том, как странно устроена жизнь: одни люди едут в аэропорт, чтобы улететь, другие — чтобы встретить, третьи — чтобы проводить. А он просто везёт. И вдруг ему показалось, что в зеркале, за спиной пассажира, мелькнуло что-то — тень, движение, как будто кто-то стоял у двери и ждал, когда она откроется. Марат моргнул — и тень исчезла.

«Устал», — подумал он. — «Слишком много ночей подряд».

Но усталость не объясняла мандарин в бардачке. И ткань в ящике стола. И запах гари, который теперь чувствовался даже в машине, хотя печка работала на минимуме, а окно было приоткрыто на два сантиметра.

Второй заказ — «Патриаршие пруды, доставка на Кутузовский». Пассажирка — молодая женщина, смеялась, разговаривала по телефону, рассказывала кому-то, как она «просто выскочила на пять минут, а теперь опаздывает». Марат слушал её смех, звонкий, живой, и

чувствовал, как этот смех царапает что-то внутри — будто он забыл, как звучит нормальный, человеческий смех.

Третий заказ — пустой.

Приложение мигнуло: «ул. Моховая, 15». Комментарий — одно слово: «Тихо».

Марат замер. Рука на руле, пальцы чуть сжались. Он посмотрел на рацию, хотел позвать Лену, но не стал. Что он ей скажет? «Мне снова пришёл странный заказ»? Она и так знает. Она всё знает. Или почти всё.

Он тронулся. Моховая — узкая, тихая, с редкими фонарями, которые бросали жёлтые круги на асфальт. Марат остановился у дома 15. Старый особняк, лепнина, тёмные окна. Над входом — фонарь, который мигал, как больной глаз.

Дверца открылась. Без стука. Без скрипа. Просто открылась, и всё.

На заднее сиденье сел мальчик. Лет десяти, может, чуть меньше. В пальто, которое было ему велико, в шапке, натянутой до бровей. Он сел, аккуратно, как будто боялся что-то сломать, и закрыл дверцу — мягко, до щелчка.

Марат посмотрел в зеркало. Лицо мальчика было бледным, почти прозрачным, с синими тенями под глазами. Он смотрел не на Марата, а в окно, будто искал что-то знакомое в темноте.

— Добрый вечер, — сказал Марат, стараясь, чтобы голос звучал обычно, по-водительски. — Куда едем?

Мальчик не ответил сразу. Он продолжал смотреть в окно, потом медленно перевёл взгляд на Марата. Глаза у него были большие, тёмные, с тем же странным блеском, который Марат уже видел — не живой, а отражённый, как свет от огня, которого нет.

— Никуда, — сказал мальчик. — Просто поезжай. Мне нужно, чтобы машина ехала.

Голос был тихий, но чёткий, без детской дрожи. Как будто он привык говорить так, чтобы его слышали, но не кричали.

— А родители знают, что ты здесь? — спросил Марат.

Мальчик покачал головой.

— Они... не могут знать. Они там, где тихо.

Марат хотел спросить «где», но не спросил. Что-то подсказало ему, что этот вопрос не нужно задавать.

Машина тронулась. Поехала по Моховой, потом на Воздвиженку, потом на Новый Арбат. Мальчик смотрел в окно, не моргая, как будто запоминал каждый дом, каждый фонарь, каждую тень.

— Ты любишь ездить на машине? — спросил Марат, чтобы сказать хоть что-то.

Мальчик кивнул.

— Да. В машине можно не слышать.

— Не слышать что?

— Крики. И шаги. И как трещат стены.

Марат почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от холода, не от ветра — от слов. От того, как они легли в тишину салона, тяжёлые, как камни.

— Это про гостиницу? — спросил он, не глядя на мальчика, глядя на дорогу.

Тот снова кивнул.

— Да. Там всегда было шумно. Даже ночью. Даже когда все спали. Стены шептали. Лифты скрипели. Двери хлопали. А потом... потом стало тихо. Слишком тихо.

Марат вспомнил статью, которую читал: «журнал постояльцев — утрачен». Он хотел спросить про журнал, но боялся спугнуть мальчика. Боялся, что тот исчезнет, как предыдущие пассажиры, оставив после себя только запах и тень.

— Ты там жил? — спросил он осторожно.

— Нет. Я там работал. Помогал маме. Она была горничной. Мыли полы, меняли полотенца, убирали пепельницы. Иногда я сидел в кладовке и слушал, как мама поёт. Она пела тихо, чтобы никто не слышал. А я слышал.

Марат сжал руль чуть крепче. Ему вдруг стало невыносимо жаль этого мальчика — не как пассажира, а как человека, который видел слишком много для своих лет.

— А что было потом? — спросил он.

— Потом пришёл огонь. Он был быстрый. Он не кричал, он шептал. И всё стало чёрным.

Марат почувствовал, как в салоне стало теплее. Не от печки — от мальчика. От его слов, от его памяти, от тепла, которое он нёс с собой, как носят старую фотографию в кармане.

Они ехали по набережной, мимо парка Горького, мимо огней, мимо тёмных домов. Мальчик смотрел на воду, на отражения, на то, как свет ложится на чёрную поверхность.

— Вода всё помнит, — сказал он вдруг. — Она не горит. Она просто ждёт.

Марат не знал, что ответить. Он просто ехал. Ровно, спокойно, не торопясь. Как будто от скорости зависело, останется ли мальчик в машине или исчезнет, как дым.

Когда они доехали до Крымского моста, мальчик сказал:

— Останови здесь.

Марат остановился. Выключил счётчик. На экране — ноль. Опять ноль. Как будто поездки не было.

Мальчик посмотрел на Марата. В его глазах было что-то, чего Марат раньше не видел — не страх, не грусть, а понимание. Как будто он знал что-то важное и хотел это передать, но не знал как.

— Ты не такой, как другие, — сказал мальчик. — Ты слушаешь. Не ушами. А сердцем.

Марат хотел возразить, сказать, что он просто водитель, что он никого не слушает, но слова застряли в горле.

— Спасибо, — сказал мальчик. И протянул руку. В ладони у него лежала пуговица — старая, костяная, с потёртыми краями. — Возьми. Она от маминого халата. Он был синий, в клетку. Она его очень любила.

Марат взял пуговицу. Она была тёплой, как мандарин, как ткань. Он сжал её в кулаке.

— Я сохраню, — сказал он.

Мальчик улыбнулся — впервые за всю поездку. Улыбка была короткой, как вспышка, и такой же светлой.

— Хорошо, — сказал он. — Тогда она не потеряется.

И вышел. Дверца закрылась. Марат обернулся. Сиденье было пустым. Но на нём, там, где сидел мальчик, лежала тень — не тёмная, а светлая, как след от солнца, который остаётся на коже после пляжа.

Марат сидел в машине. Держал в руке пуговицу. Смотрел на неё, на её потёртые края, на крошечные дырочки, через которые когда-то проходили нитки. Он думал о том, что эта пуговица — тоже улика. Ещё одна. Третья.

Он положил её в карман жилетки. Рядом с мандарином, который он достал из бардачка и сунул туда же, не задумываясь. Пусть будут вместе. Пусть лежат рядом.

Остаток смены прошёл как в тумане. Марат возил обычных пассажиров, слушал обычные разговоры, отвечал обычными фразами. Но в голове у него крутились слова мальчика: «Вода всё помнит. Она не горит. Она просто ждёт».

Когда он вернулся на стоянку, Ринат снова кивнул — «спокойной ночи». Серёга и Азамат уже ушли. Бокс был пустым, тёмным, с запахом резины и бензина, который теперь казался Марату почти родным.

Дома он сел за стол. Достал блокнот. На новой странице написал:

****«Пассажир 3. Мальчик, ~10 лет. Сын горничной. Работал в гостинице. Видел пожар. Сказал: «Огонь шептал». Исчез после остановки у Крымского моста. Оплата: 0. Осталась: пуговица от халата матери».****

Под этим он написал ещё одну строчку, которую не хотел писать, но написал, потому что она не давала ему покоя:

****«Все трое — из гостиницы „Россия“. Все трое — сгорели 25.02.1977. Все трое — говорят со мной. Почему?»****

Он отложил ручку. Взял пуговицу, повертел в пальцах. Потом достал мандарин и ткань. Разложил их на столе — пуговица, мандарин, ткань. Три предмета. Три истории. Три жизни, которые закончились в одном месте и в одно время.

Марат встал. Подошёл к окну. За окном была ночь, трамвайные пути, редкие огни, серое небо. Город спал. Или делал вид, что спит.

Марат вернулся к столу. Взял телефон. Открыл браузер. Набрал: «архив гостиницы „Россия“». Пролистал несколько ссылок. Ничего. Только общие статьи, фотографии, воспоминания. Никаких списков, никаких журналов, никаких имён.

Тогда он набрал: «список погибших при пожаре в гостинице „Россия“ 25.02.1977».

Первая ссылка — сайт с базой данных жертв катастроф. Марат кликнул. Страница загружалась долго, как будто не хотела открываться. Наконец — список. Длинный, бесконечный, с фамилиями, инициалами, годами рождения. Марат начал искать. Он не знал, кого ищет — администратора, горничную, мальчика. Он искал тех, чьи истории он слышал.

Администратор — Виктор Степанович. Фамилия не названа. Марат вбил «администратор гостиница Россия 1977» — ничего.

Горничная — имя не названо. «Горничная гостиница Россия пожар 1977» — только общие фразы, без имён.

Мальчик — сын горничной. «Дети погибшие пожар гостиница Россия 1977» — несколько имён, но ни одного, которое звучало бы знакомо.

Марат закрыл браузер. Посидел, глядя в чёрный экран телефона. Потом взял блокнот и написал на полях: «Они не в списках. Их нет нигде. Но они есть».

Он лёг спать, но сон не шёл. Он лежал, смотрел в потолок, слушал, как за стеной тикают часы, как где-то внизу хлопает дверь, как ветер стучит в окно. И думал о том, что если эти люди не в списках, если их нет в архивах, если система их не фиксирует — значит, они остались где-то между. Между прошлым и настоящим. Между жизнью и смертью. Между тем, что можно записать, и тем, что можно только услышать.

И он — Марат Вергасов, бывший следователь, нынешний таксист — был тем, кто их слышал.

Не потому что он особенный. А потому что он умел молчать. И слушать.

А они — те, кто сгорел, — искали того, кто их услышит.

Глава 4. Премиум-Лайн

Марат не поехал на стоянку. Не потому что опаздывал — он никогда не опаздывал, — а потому что решил сделать то, чего не делал три года: проверить, на кого работает.

Это было не в его правилах. Три года в «Премиум-Лайн» — и ни разу он не задал вопроса, который должен был задать в первый день: кто платит, кто владеет, кто стоит за названием. Марату было всё равно. Ему нужна была ночная работа, тёмная машина, тишина. «Премиум-Лайн» дал ему всё это — и больше ничего. Договор — на сайте, электронный, без подписи и печати. Зарплата — на карту, каждый месяц, ровно, без задержек. Ни одного личного контакта с руководством за три года. Только Лена — голос в рации — и Ринат на стоянке, который, строго говоря, работал не на «Премиум-Лайн», а на охранный агентствo, которое обслуживало бокс. Марат не знал этого наверняка — просто предполагал. Он никогда не спрашивал.

Но теперь — спрашивал. Потому что три пассажира, которые исчезают. Потому что приложение, которое не фиксирует поездки. Потому что Лена, которая говорит «не анализируй» — а сама анализирует каждую секунду. Потому что мандарин, ткань и пуговица — три предмета из 1977 года, лежащие на столе в квартире на Автозаводской, как улики на столе следователя. Марат был следователем. Следователь задаёт вопросы.

Днём — в четыре часа, после сна — Марат сел за ноутбук. Старый «Леново» гудел кулером, как муха в банке. Марат открыл браузер, набрал: «Премиум-Лайн такси». Первая ссылка — сайт. Простой, минималистичный: чёрный фон, белые буквы, логотип — стилизованная руль-эмблема, без деталей. Сайт выглядел как визитка: краткое описание сервиса, форма заявки для водителей, номер телефона. Всё. Ни адреса офиса, ни реквизитов, ни сведений о регистрации. Ни одного имени. Ни одной фамилии.

Марат кликнул «Контакты». Страница: телефон — 8-800, без городского номера. Email — info@premiumline-taxi.ru. Адрес — не указан. Форма обратной связи — три поля: имя, телефон, сообщение. Марат заполнил: «Марат Вергасов, водитель. Прошу предоставить реквизиты работодателя и адрес офиса». Нажал «Отправить». Экран мигнул: «Ваше сообщение отправлено. Мы свяжемся с вами в ближайшее время». Марат не поверил. Но — отправил.

Потом позвонил. 8-800. Гудок — длинный, гулкий, как в пустом помещении. Второй. Третий. Четвёртый. Потом — автоответчик. Женский голос, синтетический, без интонации: «Вы позвонили в службу поддержки „Премиум-Лайн“. Оставьте сообщение после сигнала». Марат повесил. Не стал оставлять. Автоответчик — не человек. Марат хотел человека.

Он открыл приложение на телефоне. Настройки — раздел «О приложении». Версия: 2.4.1. Разработчик: не указан. Лицензия: не указана. Дата выпуска: не указана. Ссылка на политику конфиденциальности — вела на пустую страницу с текстом «Раздел находится в разработке». Три года — и раздел в разработке. Марат вспомнил: в первый месяц он заметил это и подумал — «стартап, небрежность». Потом забыл. Теперь — не забыл. Теперь это выглядело иначе. Не небрежность. Намеренность. Приложение, которое не сообщает о себе ничего, — потому что не хочет, чтобы о нём знали.

Марат полез глубже. Открыл свойства файла приложения в системе — Android, раздел «Приложения», «Премиум-Лайн». Размер: 14 МБ — маленький для такси-сервиса. Для сравнения: «Яндекс Go» — 120 МБ, «Максим» — 80. Четырнадцать мегабайт — это карта, интерфейс и базовый функционал. Ни логов поездок, ни истории заказов, ни профиля водителя. Приложение делало одну вещь: показывало заказ. И одну вещь — не делало: не сохраняло ничего. Как будто каждый запуск — первый. Как будто приложение не имело прошлого.

Марат закрыл телефон. Сел. Думал. Как следователь, который собрал первичные данные и не нашёл субъекта. Нет субъекта — нет дела. Но есть факты. Три пассажира, три предмета, три истории. И нет работодателя. Нет разработчика. Нет адреса. Есть только голос Лены в рации и Ринат на стоянке — два человека, которые не отвечают на вопросы о том, кто их нанял.

Марат взял телефон. Набрал другой номер — не «Премиум-Лайн», а другой. Гудок. Один. Два. Три.

— Да, — голос Рината. Тихий, ровный, как всегда.

— Ринат, это Вергасов. Вопрос: кто владеет стоянкой?

Пауза. Не короткая — секунды три. Ринат думал. Или — решал, отвечать ли.

— Агентство «Защита-С». Я работаю на них. Стоянка — их объект.

— А «Премиум-Лайн»? Они арендуют боксы?

— Не знаю, Вергасов. Мне платят за охрану. Кто арендует — не моё дело. Приходят машины — я охраняю. Всё.

— А кто приносит зарплату? Ты получаешь от «Премиум-Лайн» или от «Защиты»?

— От «Защиты». Я к «Премиуму» отношения не имею. Я — охрана.

Марат помолчал. Ринат — не лжёт. Марат три года читал людей — подозреваемых, свидетелей, потерпевших — и различал ложь от правды, как различал звуки мотора. Ринат говорил правду: он не знает. Он — маленький человек в большой цепи, который видит только своё звено.

— Спасибо, Ринат.

— Спокойной ночи, — сказал Ринат. Хотя было четыре часа дня.

Марат оделся. Джинсы, куртка, ботинки. Вышел. Автозаводская — серая, ветреная, с трамваями и новостройками. Марат сел в автобус — 26-й, до метро «Тульская». Ехал двадцать минут, стоя у окна, глядя на Москву, которая катилась мимо, серая и безразличная. Вышел на Тульской. Прошёл мимо школы, мимо аптеки, мимо ларька с шаурмой — запах мяса и лука, едкий, живой. Повернул во двор.

Адрес, который Марат нашёл в приложении — единственный, хоть какой-то — был указан в разделе «Юридическая информация», в самом низу, мелким шрифтом: «Москва, Большая Тульская, 10, офис 407». Марат знал эту улицу — стоянка «Премиум-Лайн» находилась на ней же, в другом конце, за промзоной. Но офис — в жилом доме, в бизнес-центре.

Большая Тульская, 10 — новое здание, девятиэтажное, стеклянное, с вывесками: «Бухгалтерия», «Стоматология», «Йога-студия». Марат вошёл в подъезд — кодовый замок, но дверь была не заперта. Лифт — поднялся на четвёртый. Офис 407 — в конце коридора, мимо двери с табличкой «ИП Кузнецов А.В., ремонт бытовой техники» и двери без таблички, но с следами от скотча — что-то было, сняли. Марат подошёл к 407.

Дверь — обычная, МДФ, покрашенная в серый. Табличка — пластиковая, белая, с чёрными буквами: «Премиум-Лайн». Шрифт — тот же, что на сайте: простой, без засечек. Марат подёргал ручку — заперто. Прислушался. Тишина. Ни голосов, ни шагов, ни гудения компьютеров. За дверью — пустота. Не тишина офиса в нерабочее время — а тишина помещения, в котором никто не работает. Марат знал эту разницу: в пустом офисе бывает гул — холодильник, сервер, кондиционер. Здесь — ничего. Абсолютная тишина, как в квартире, из которой выехали.

Марат постучал. Три раза — коротко, уверенно, как стучат в дверь, которую не боятся открыть. Никто не ответил. Он постучал ещё — тише, как будто спрашивая разрешения. Тишина.

В конце коридора — дверь открылась. Вышла женщина, лет пятидесяти, в халате, с ведром — уборщица. Марат подошёл.

— Здравствуйте. Вы знаете, кто в 407?

Женщина посмотрела на него, потом на дверь 407.

— А вы кто?

— Я водитель. Работаю на них. Хочу решить вопрос по зарплате.

— По зарплате? — женщина усмехнулась. — Здесь давно никого нет. Этот офис — пустой уже год. Может, два. Я там убираю раз в месяц — пустые стены. Ни стола, ни стула. Только вешалка в углу и табличка на двери.

— Год? — Марат нахмурился. — Но мне зарплата приходит каждый месяц. На карту. Без задержек.

— Не знаю, — женщина пожала плечами. — Я убираю. Кто платит — не моё дело. Но людей там нет. Точно нет.

Марат посмотрел на дверь 407. Табличка «Премиум-Лайн» — чистая, не пыльная, как будто её протирали недавно. Но за дверью — пустота. Год. Может, два. Офис без мебели, без людей, без жизни. Только вешалка в углу и табличка. Как декорация, которую забыли убрать.

— А кто арендует это помещение? — спросил Марат. — Кто платит за него?

— Не знаю. Платят — через банк, наверное. Я получаю от управляющей компании. Они платят — я мою. Кому принадлежит офис — не спрашивала.

Марат поблагодарил. Вышел из здания. Стоял на Большой Тульской, смотрел на серое небо, на проезжающие машины, на женщину с коляской. Москва — живая, шумная, настоящая. И в ней — пустой офис с табличкой, который кто-то оплачивает, но в котором никто не работает. Призрачный офис призрачной компании.

Дома Марат сел за ноутбук. Открыл «Госуслуги» — раздел «Проверка контрагента». Вбил: «Премиум-Лайн». Результат — три организации с похожими названиями, все — в других городах: Пенза, Тюмень, Уфа. Ни одной — в Москве. Марат попробовал ИНН, указанный в приложении — единственный идентификатор, который нашёл. Система выдала: «Организация снята с учёта. Дата: 12.03.2019». Семь лет назад. Компания существовала — и перестала. Но приложение работает. Зарплата приходит. Стоянка функционирует. Ринат стоит. Лена говорит.

Марат откинулся на стуле. Потёр глаза. Ситуация, в которой он оказался, была — с точки зрения следователя — абсурдной. Работодатель не существует. Офис пуст. Компания снята с учёта. Но Марат получает зарплату, выполняет заказы, ездит на машине, которая — чья? Кто купил Mercedes? Кто оплачивает страховку, ТО, бензин? Кто платит Ринату? Кто платит Лене?

Лена. Марат взял рацию — она лежала на столе, рядом с блокнотом. Он не носил её домой обычно, но сегодня — взял. Машинально, как берут ключи. Он нажал кнопку.

— Лена.

Тишина. Треск. Как ветер в проводах.

— Лена, ты здесь?

— Здесь, — голос Лены. Тихий, как издали. — Что случилось, Марат?

— Я был в офисе. На Тульской. Он пуст. Год. Может, два. Там нет ничего — ни столов, ни людей. Только вешалка и табличка.

Пауза. Длинная. Марат ждал.

— И что тебя удивляет? — спросила Лена. Голос — ровный, без удивления, без тревоги. Как будто она знала. Как будто ждала этого вопроса.

— Меня не удивляет. Меня тревожит. Я работаю на компанию, которой нет. Мне приходит зарплата от организации, снятой с учёта семь лет назад. Я езжу на машине, которая — ничья. Я хочу понимать, кто мной управляет и зачем.

— Никто тобой не управляет, Марат. Ты сам сел за руль. Ты сам открыл приложение. Ты сам взял заказ.

— Мне сказали — компания. Мне сказали — «Премиум-Лайн». Мне дали машину и приложение. Теперь оказывается — компании нет. Это не работа. Это — что?

Долгая пауза. Марат слышал дыхание Лены — или то, что он принимал за дыхание. Тихий, ровный звук, как от человека, который дышит через ткань.

— Марат, — сказала Лена, — ты помнишь, как тебя наняли?

Марат задумался. Три года назад. Он искал работу — ночную, тихую, без общения. Нашёл объявление на Авито: «Водитель премиум-такси. Ночные смены. Без опыта. Зарплата — от 80 000». Позвонил. Автоответчик. Ему перезвонили — через час, с незнакомого номера. Голос — женский, тёплый, с хрипотцой. Лена. «Марат, вам подходит? Приезжайте на стоянку, получите машину и приложение». Он приехал. Ринат дал ключи. Приложение — уже установлено в телефоне, который выдали вместе с машиной. Не его телефон — служебный. Марат держал его три года и ни разу не сменил. Ни разу не проверил, кто производитель, какой номер, какой тариф. Служебный телефон. Служебная машина. Служебная жизнь.

— Лена, — сказал Марат, — ты когда мне звонила — в первый раз — ты откуда звонила?

— Из дома, — ответила Лена. — Я работаю из дома.

— Из Бутово.

— Да.

— Адрес?

Пауза. Длиннее всех предыдущих. Марат ждал. В рации — треск, шорох, тонкий свист, как от радиоволны, которые проходят через атмосферу.

— Марат, — сказала Лена, и голос её стал другим. Не тёплым, не хриплым — серьёзным, как у человека, который говорит то, что не хотел говорить, но понимает, что время пришло. — Ты был в пустом офисе. Ты нашёл компанию, которой нет. Ты проверил ИНН — снят с учёта. Ты спросил Рината — он не знает. Ты спрашиваешь меня — и я не отвечу. Не потому что не хочу. Потому что не могу. Не сейчас.

— Почему не сейчас?

— Потому что ты ещё не готов. Ты — следователь. Ты хочешь фактов. А я могу дать тебе только слова. Слова без фактов — не для тебя. Ты их не примешь. Ты будешь искать подтверждение — и не найдёшь. И разозлишься. И уйдёшь. А тебе нельзя уходить. Пока нельзя.

Марат молчал. Рука — на рации, пальцы сжаты. Он злился. Тихо, холодно, как умеют злиться люди, которые привыкли контролировать — себя, ситуацию, других. Злость — не на Лену. На себя. На то, что три года не задавал вопросов. Три года ездил в машине, которая ничья, получал зарплату от компании, которой нет, слушал голос женщины, у которой нет адреса. Три года — и ни одного вопроса. Потому что ему было всё равно. Потому что он прятался. В ночи, в тишине, вапупушности — прятался от прошлого, от вопросов, от себя. А теперь прошлое нашло его само — в виде пассажиров, которые исчезают, и предметов, которые остаются.

— Лена, — сказал Марат. Тихо, но жёстко. — Я не уйду. Но я буду спрашивать. Каждый день. Пока не получу ответ.

— Хорошо, — ответила Лена. — Спрашивай. Я буду отвечать — когда смогу. А пока — делай то, что умеешь. Веди. Слушай. Запоминай. Ты — следователь, Марат. Лучший, которого я знаю. Расследуй.

— Расследовать — что?

— Не что. Кого. Их. Пассажиров. Они — твоё дело. Они — твои свидетели. А я — твой голос. Как по рации — только иначе.

Марат не ответил. Выключил рацию. Положил на стол. Смотрел на неё — маленькую, чёрную, Motorola, купленную на Авито за две тысячи. Единственную связь с единственным человеком, который — может быть — знал, что происходит. Или — не человеком. Марат не знал. Он знал только одно: Лена — голос. Она сама сказала это — в первый день, три года назад, когда он спросил, как к ней обращаться: «Я — Лена. Я — твой голос. Не больше и не меньше». Он тогда усмехнулся — решил, что диспетчер философствует от скуки. Теперь — не усмехался.

Вечер. Двадцать-оке тридцать. Стоянка. Ринат — «спокойной ночи». Бокс — пустой, Серёга и Азамат не на смене. Марат обошёл машину — левое крыло, царапина, та же. Завёл — ровно. Салон — чисто. Термос — в подстаканнике. Приложение — тёмный экран, зелёная полоса.

Марат открыл бардачок. Аптечка, салфетки, зарядник. И — мандарин. Тот самый, который он положил туда вчера. Марат достал его, повертел в пальцах. Мандарин был — свежий. Как будто его только что сняли с ветки. Кожица — упругая, оранжевая, с зелёным листиком, который не высох, не скрутился, а остался зелёным, живым, как будто мандарин не лежал сутки в бардачке, а был сорван минуту назад.

Марат понюхал. Цитрус — свежий, сладкий. И — под ним, тоньше, слабее, но — есть: гарь. Упрямая, как запах, который въелся в стены. Марат положил мандарин обратно. Закрыв бардачок.

Служебный телефон — лежал на приборной панели, в держателе. Марат взял его. Повертел. Чёрный, без логотипа — не Samsung, не Xiaomi, не Huawei. Безымянный телефон, с безы-

мянным приложением, от безымянной компании. Марат открыл раздел «О телефоне». Модель: не указана. Серийный номер: 0000000000000000. Версия Android: 11. Память: 64 ГБ. Занято: 2 ГБ — только приложение «Премиум-Лайн» и системные файлы. Больше — ничего. Ни контактов, ни фото, ни сообщений. Телефон, который не принадлежал никому — и не помнил ничего. Как и приложение.

Марат положил телефон обратно. Включил передачу. Выехал.

Ночь. Садовое кольцо — мокрое, тёмное, с редкими фонарями. Октябрь заканчивался. Ноябрь дышал в спину — холодный, сырой, с запахом гнили от мокрых листьев. Марат ехал — ровно, в правом ряду, не торопясь. Окно — приоткрыто на два сантиметра. Воздух — двигался.

Первый заказ — обычный. «Профсоюзная, 120, доставка на Киевский». Пассажир — мужчина в дублёнке, с пакетом из «Перекрёстка». Молчал всю дорогу, смотрел в телефон. Марат довёз — сто сорок рублей на счётчике, оплата картой. Обычная поездка. Живой пассажир, живые деньги.

Второй — «Рязанский проспект, 24». Женщина с ребёнком, домой из больницы. Ребёнок спал, женщина — тихо плакала. Не от горя — от усталости. Марат узнал: так плачут матери, которые не спали трое суток. Он довёз, помог с коляской — хотя она не просила. Женщина сказала «спасибо» — и заплакала сильнее. Марат кивнул. Закрыл дверь. Поехал дальше.

Третий — обычный. «Арбат, 10, Патрики». Молодой человек, подвыпивший, весёлый, рассказывал анекдоты. Марат не смеялся, но слушал — привычно, как слушают шум дождя. Парень дал чаевые — триста рублей, через приложение. Марат принял. Живые деньги. Живой смех. Живая ночь.

Четвёртый заказ — пришёл в двадцать-three сорок. Марат увидел экран и замер.

«ул. Станиславского, 21». Комментарий — одно слово: «Музыка».

Тот же формат. Тот же пустой шаблон. Пассажир — не указан. Рейтинг — пусто. Оплата — прочерк. Марат посмотрел на рацию. Не стал брать. Лена сказала — «расследуй». Хорошо. Он расследует. Он поедет, будет слушать, будет запоминать. И — записывать. Марат достал блокнот из внутреннего кармана жилетки — маленький, в линейку, «Перекрёсток». Открыл на чистой странице. Записал: «Заказ 4. Станиславского, 21. "Музыка"». Положил блокнот обратно. Включил передачу.

Улица Станиславского — ныне Леонтьевский переулок, за Тверской. Узкий, тёмный, с особняками и посольствами. Дом 21 — старое здание, с лепниной, с колоннами, с тусклым фонарём над входом. Марат остановился. Ждал.

Дверца открылась. Не сзади — справа, как обычно. Спереди. Пассажирское сиденье. Марат нахмурился — за три года никто не садился вперёд. Это было правилом, негласным:

водитель впереди, клиент сзади. Но пассажир — сел вперёд. Как будто имел право. Как будто — не клиент, а коллега.

Мужчина — худощавый, лет сорока пяти. Может, пятьдесят. Тонкое лицо, с глубокими морщинами у глаз, как от прищура — или от света, который бьёт в лицо. Волосы — тёмные, с проседью, длинные — до воротника. Не модно длинные — привычно, как у человека, который не стригся, потому что ему было всё равно. Одет: чёрная водолазка, тёмные брюки, ботинки — чёрные, потёртые, на тонкой подошве. Пальто — не было. В октябре, минус два — без пальто. Только водолазка. Марат отметил: не замёрзший — тёплый. Тепло шло от него, как от печки — ровное, сухое, без дрожи.

Запах — табак? Нет. Запах — другой. Марат вдыхал, пытаясь определить. Сухой, горьковатый, с еле заметной сладостью — не парфюм. Роза? Нет. Лак? Нет. Запах, который Марат не мог определить — и от этого — чесался, как слово, которое вертится на языке и не произносится. Потом — понял. Старая деревянная отделка. Запах дерева, которое долго стояло в тёплом помещении, пропитанное запахом еды, напитков, табачного дыма — не одного, а тысяч, наслоившихся за годы. Запах ресторана. Не кухни — зала. Зала, в котором играли музыку, курили, пили, разговаривали, — и всё это впиталось в дерево, в ткань, в воздух, который пассажир нёс на себе, как шинель.

— Добрый вечер, — сказал Марат. — Вы сядете назад?

Пассажир покачал головой.

— Я вперёд. Я не люблю сзади. Сзади — как в гробу. Лежишь и смотришь в потолок. А я хочу смотреть — на дорогу.

Голос — негромкий, с хрипотцой, но другой — не как у Виктора Степановича, не как у горничной. Говорил певец. Человек, который владел голосом, как скрипач — смычком. Каждое слово — нота, каждая пауза — тишина, которая звучит.

— Куда едем? — спросил Марат.

— На Большую Дмитровку. Музыкальный театр. Знаете?

— Знаю.

— Туда. Но не торопитесь. Мне нужно — ехать.

Марат тронулся. Машина выехала из переулка, на Тверскую, вниз. Фонари, витрины, редкие машины. Город — тихий, пред-

— Вы музыкант? — спросил Марат. Не из любопытства — из необходимости. Он должен был знать, кто перед ним. Он расследовал.

— Был, — ответил пассажир. — Музыкант. Играл в ресторане. На 22-м этаже. Рояль. Каждый вечер — с семи до одиннадцати. Джаз, романсы, что заказывали. Потом — филармонический репертуар, по праздникам. Но чаще — джаз. Люди любят джаз, когда едят. Он не мешает жевать.

— В каком ресторане?

— В гостинице. Наверху. Двадцать второй этаж. Окна — на всю Москву. Внизу — огни, сверху — звёзды. А посередине — я. Рояль. И двести пятьдесят человек, которые не слушают. Но я не обижался. Я играл — не для них. Для рояля. Он слушал. Он единственный, кто слушал.

Марат слушал. Руки — на руле, ровно. Но внутри — тот же механизм, тот же следовательский аппарат: фиксация, сопоставление, анализ. 22-й этаж. Ресторан. Гостиница. Двести пятьдесят человек. Джаз. Рояль. Всё — из одной истории. Той же.

— Это была «Россия»? — спросил Марат. Прямо. Без обхода.

Пассажир не ответил сразу. Смотрел в окно — на Тверскую, на фонари, на мокрый асфальт. Потом — тихо:

— Ты уже знаешь.

— Я догадываюсь.

— Нет. Ты не догадываешься. Ты знаешь. Но не понимаешь — как. Это — разные вещи.

Марат промолчал. Пассажир был прав. Марат знал факты: гостиница, пожар, 25 февраля, 1977. Но не понимал — как. Как эти люди — мёртвые, сгоревшие полвека назад — сидят в его машине и рассказывают ему свои истории. Как ткань из 1977 года оказывается в его бардачке. Как мандарин не портится. Как пуговица — тёплая.

— Эдуард, — сказал пассажир. — Меня зовут Эдуард. Эдуард Мнацаканян. Если тебе нужно имя.

Марат кивнул. Запомнил. Эдуард Мнацаканян. Музыкант. Рояль. 22-й этаж. «Россия».

— Эдуард, — сказал Марат, — вы знаете, что погибли?

Тишина. Длинная, как пауза между нотами — не пустая, а полная. Машина ехала по Охотному ряду, мимо Думы, мимо Манежа. Фонари мелькали — жёлтый, жёлтый, жёлтый.

— Знаю, — сказал Эдуард. — Теперь — знаю. Не сразу. Сначала — нет. Сначала — думал, что выбрался. Что спустился по лестнице, что выбежал, что стою на улице, мокрый, дышащий. А потом — увидел, что меня нет. Что стою — но меня нет. Что тень моя — есть, а тела — нет. Что люди проходят сквозь меня, как сквозь дым. И понял.

Марат не оборачивался. Смотрел на дорогу. Но — видел: в боковом окне, в отражении уличного фонаря, — Эдуард. Не силуэт, не тень — лицо. Тонкое, с морщинами у глаз, с тёмными волосами до воротника. И — сквозь лицо — свет. Жёлтый, уличный, проходящий насквозь, как через стекло. Марат моргнул. Отражение — осталось. Эдуард — сидел рядом. Тёплый, живой, пахнувший старым рестораном. И — прозрачный для света.

— Как вы оказались в моей машине? — спросил Марат.

— Я не «оказался». Меня привели. Как и всех. Нас — ведут. Туда, где есть кто-то, кто слышит. Ты — слышишь. Не ушами — а как-то иначе. Я не знаю, как. Но чувствую — что ты слышишь. Как рояль. Я играл для рояля, а ты — слушаешь, как рояль. Не словами. Резонансом.

Марат не понимал. Но — принимал. Как принимают показания свидетеля, который говорит правду, но правда — не укладывается в рамки. Марат расширял рамки. Три пассажира назад — он бы не поверил. Теперь — принимал. Не верил — принимал. Это — разные вещи. Верить — значит доверять. Принимать — значит работать с тем, что есть.

— Эдуард, — сказал Марат, — в ту ночь — 25 февраля — вы играли?

— Играл. Вечерний сеанс. С семи. К девяти — ещё играл. Ресторан был полный — человек двести пятьдесят, может, больше. Банкет внизу, на 17-м, но у нас — свой народ. Ели, пили, разговаривали. Я играл джаз — «Take Five», «Summertime», «Autumn Leaves». Очередь заказов. «Сыграйте Муслима». «Сыграйте Мулявина». Я играл — тихо, фоном, как обои. Люди не слушали — но без музыки им было бы пусто. Я — обои со звуком.

Эдуард замолчал. Смотрел в окно — на Большую Дмитровку, на Музыкальный театр, который приближался. Здание — тёмное, с колоннами, с вывеской. Эдуард смотрел — и Марат видел: глаза музыканта потеплели. Не от света — от памяти.

— В девять двадцать четыре — запах. Сначала — лёгкий, как от свечи. Потом — сильнее, как от проводки. Потом — чёрный, густой, как смола. Я перестал играть. Обернулся — в зале тихо. Все — обернулись. Дверь из ресторана — в коридор — была открыта, и из коридора — дым. Чёрный, плотный, как стена. Он шёл — не как газ, не как ветер. Он шёл — как вода. По потолку, по стенам, прижимаясь, растекаясь. Огонь — за ним. Не сразу. Сначала — дым. Потом — огонь. Как будто дым — разведчик, а огонь — армия.

Марат слушал. Руки — на руле, ровно. Но пальцы — белые, сжатые. Он видел — не глазами, а тем, чем Эдуард называл «резонансом». Видел: чёрный дым, ползущий по потолку ресторана. Двести пятьдесят человек, которые обернулись. Рояль — замолчавший. Тишина — перед огнём.

— Что было потом?

— Потом — паника. Крики. Бег. Лифт — не работал. Лестница — задымлена. Люди — к окнам. 22-й этаж. Вниз — головой. Некоторые — прыгали. Я — нет. Я — к роялю. Не потому что герой — потому что некуда. Дым — везде. Огонь — из коридора. Окно — за спиной. Я сел на табурет и играл. Не помню что. Может — «Autumn Leaves». Может — ничего. Просто — клавиши. Просто — звук. Пока было что.

Эдуард замолчал. Долго молчал. Машина остановилась у Музыкального театра. Тёмное здание, колонны, пустая площадь. Ночь. Фонарь. Тишина.

— Потом — стало темно, — сказал Эдуард. — И я — ушёл. Не умер — ушёл. Как будто музыка кончилась, и я встал и вышел. Но — не из ресторана. Из всего. Из тела, из жизни, из февраля. В — тишину. И в тишине — ждал. Ждал — кого-то, кто услышит. Тебя.

Марат не двигался. Сидел, руки на руле, смотрел на тёмное здание театра. В зеркале — отражение уличного фонаря, жёлтое, ровное. И — в боковом окне, в стекле — Эдуард. Лицо. Тонкое, с морщинами. И — сквозь лицо — свет. Прозрачный.

— Эдуард, — сказал Марат. — Вы были не один. В ресторане — двести пятьдесят человек. Кто-то из них — вам запомнился? Кто-то, кто не был обычным гостем?

Эдуард посмотрел на Марата. Долгий, внимательный взгляд, как будто оценивал — можно ли доверять. Потом — кивнул.

— Да. Девушка. Официантка. Молодая, лет двадцати. Она — не просто подавала. Она — знала. Знала, кто сидит за столами. Знала, кто что заказывает. Знала, кто кому — кто. Она подходила ко мне между заходами и говорила: «Эдуард, сегодня — банкет наверху. Большой банкет. Люди в штатском. Не играйте громко — им нужна тишина». Я не спрашивал — кто. Не моё дело. Но запомнил — она знала больше, чем официантке положено.

— Как её звали?

— Лена. — Эдуард улыбнулся — впервые за всю поездку. Улыбка — грустная, тёплая, как от воспоминания, которое греет и жжёт одновременно. — Лена. Она приносила мне чай. Каждый вечер. Без сахара — я пил без сахара. Она запомнила. Двести пятьдесят гостей — и она запомнила, что я пью чай без сахара.

Марат замер. Лена. Диспетчер. Голос в радиии. Тёплый, низкий, с хрипотцой. «Я — Лена. Я — твой голос. Не больше и не меньше». Совпадение? Марат не верил в совпадения. Бывший следователь — не верит. Он проверяет.

— Лена — это имя. Она — выжила? — спросил Марат, и голос — ровный, следовательский, без дрожи. Но внутри — дрожь. Тонкая, как струна.

Эдуард покачал головой.

— Нет. Она не вышла. Она — осталась. Она помогала людям — выводила их, направляла, успокаивала. Она бегала между столами, между этажами, как будто — не чувствовала дыма. Как будто — была из огня. А потом — огонь дошёл до неё. Я видел — в последний раз, когда ещё играл. Она стояла у двери, в дыму, и — смотрела на меня. Не с ужасом. С — спокойствием. Как будто знала, что так будет. И — кивнула. Мне. Кивнула. Как будто — прощалась. Или — благодарила. Или — говорила: «играй, Эдуард. Играй, пока можешь».

Марат закрыл глаза. Одна секунда. Открыл. Дорога, фонарь, тёмное здание.

— Она сказала вам — что-нибудь? В тот вечер? Кроме «не играйте громко»?

Эдуард подумал.

— Да. Одно. Она сказала: «Сегодня — особенная ночь. Сегодня — решается. Если всё пройдёт — мы все будем свободны. Если нет — мы все останемся». Я не понял. Тогда — не понял. Потом — понял. Но было поздно.

Марат не спрашивал — что значит «свободны». Он знал: это — из того же расследования, из того же дела. Банкет наверху, люди в штатском, встреча, которая решает. И пожар, который всё решил — иначе.

Эдуард открыл дверцу. Тёплый воздух — из салона, наружу, в ночь. Он вышел — и Марат на этот раз слышал: шаги. Тихие, лёгкие, по асфальту. Три шага. Четыре. Потом — тишина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.